Александр Кажуро

Жоймарица

Александр Кажуро
Жоймарица

https://litres.ru/74910047
SelfPub; 2026

Аннотация

«В четверг не прясть». Старый запрет, о котором не принято вспоминать вслух. Но что, если четверг ещё не закончился?

Монтажёр документального кино Анна привыкла иметь дело с застывшими кадрами чужих жизней, пока однажды в Великий Четверг на её телефон не поступает звонок. На том конце провода — голос отца, который умер много лет назад.

Чтобы разобраться в происходящем, Анна отправляется в глухой румынский посёлок, где прошло её раннее детство. Родительский дом встречает её пустотой, облупившейся краской и тонкими красными нитями, протянутыми вдоль плинтусов. Здесь не работает связь, отражения в зеркалах запаздывают на долю секунды, а за забором стоит неподвижная женщина в сером платье, чьё лицо скрывают длинные волосы.

Атмосферный фолк-хоррор с элементами временной петли и лавкрафтианского ужаса — о семейных тайнах, родовой памяти и цене возвращения к истокам.

Содержание

Часть I. Великий Четверг 5
Глава 1. Красная нить 5
Глава 2. Звонок из прошлого 14
Г 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Александр Кажуро
Жоймарица

КАЖУРО АЛЕКСАНДР

Часть I. Великий Четверг

Глава 1. Красная нить

Включённый телевизор перестал мерцать, и на экране всплыло сообщение:

«В Великий Четверг она выходит считать — кого не хватает».

Анна лежала на боку, уткнувшись лицом в подушку. Свет из окна почти не проникал, но ей казалось, что комната как будто жива, дышит вместе с ней. Телефон на тумбочке задрожал и скатился на пол. Она подняла голову и, морщась, на ощупь стала искать трубку.

Голос в трубке, раздражённый, но без злобы:

– Где ты вообще? Мы уже начали черновой прогон!

Она, сонно и сипло:

– Что?.. Который час?..

– Да твою ж мать, одиннадцать! У нас дедлайн по фестивальному монтажу сегодня, ты забыла?

Анна резко села, волосы упали на глаза. В комнате звучало тиканье часов, гул улицы и лай собаки снизу, будто мир подсказывал: время идёт, и его нельзя вернуть.

Вскакивая и запинаясь о плед:

– Господи, я… я сейчас буду! Просто у меня… будильник

не сработал.

– Ты так говоришь каждый раз, – голос сквозь трубку улыбался и ворчал одновременно.

Девушка уже шла по комнате, натягивая джинсы, движения её были быстрыми, но слегка неловкими:

– Потому что он действительно каждый раз не сработал! Наверное, он меня ненавидит.

– Да, как и вся техника. И люди, между прочим, тоже иногда, – усмешка проскользнула сквозь раздражение.

– Знаю. Поэтому я и работаю с мёртвыми кадрами, а не с живыми людьми, – тихо, почти шёпотом.

Наступила короткая пауза. На другом конце линии, кажется, не знали, что сказать.

– Просто приезжай.

Анна направилась к умывальнику, скользя глазами по отражению в зеркале, и едва слышно сказала:

– Уже собираюсь.

Комната осталась на мгновение пустой, и лишь лёгкий шорох её движений напоминал, что день начался.

На кухне было тихо. На столе стояла остывшая чашка кофе, а на столешнице остался тёмный круг – маленькое напоминание о вчерашнем дне. Анна открыла шкаф. Пустые пачки чая и кофе были аккуратно сложены, словно хранили память о каждом утре.

Она трясла одну из пачек в кружку, надеясь на чудо, но там ничего не было. Взяв вчерашнюю чашку, она сделала

глоток. Кофе был густой, горький и холодный. Анна поморщилась от вкуса.

– Великолепно… Идеальное утро, – пробормотала она себе под нос, и её голос потерялся в тишине кухни.

Коридор был пуст, и каждый её шаг отдавался эхом в его дальних углах. В уголке зрения мелькали знакомые символы: на стене висели обереги – сплетённые из нитей крестики, колокольчик, сухая веточка в красной ленточке. Она проходила мимо, словно их не существовало.

В тот момент, когда дверь закрылась за ней, колокольчик слегка зазвенел. Звук был коротким и почти неслышным, как дыхание прошлого. Квартира осталась пустой. В кухне поверхность кофе в кружке едва заметно дрожала, будто кто-то прошёл по полу. Тишина снова окутала комнату, но ощущение присутствия — едва уловимое и странное — ещё висело в воздухе.

Двадцать минут спустя…

Коридор старого здания встретил её длинным, тускло освещённым проходом, стены с облупившейся краской словно шептали о прошлых днях. Анна влетела внутрь, одной рукой расстёгивая куртку, другой держа телефон, с головы слегка сползали наушники.

– Да, уже иду! Я здесь, я… – вполголоса проговорила она в трубку, – почти.

Из комнаты выглянул Игорь, лет тридцати, с кружкой в руках. На ней блестела надпись: «Монтаж или смерть».

– Опять почти? – сухо, но без злобы спросил он.

Тяжесть секунд повисла в воздухе.

– Я вообще думал, ты по дороге к нам решила смонтировать свою жизнь, сделать её более логичной, – добавил Игорь, не отводя взгляда от девушки.

Она усмехнулась, делая шаг к двери студии:

– Очень смешно. У тебя кофе есть?

– Есть… – Игорь сделал паузу и заглянул в кружку. – Был.

Анна фыркнула и пошла дальше, оставляя позади шум старого здания — запах пережжённого кофе, сухой треск аппаратуры и ту настороженную тишину, которая остаётся после чужих тяжёлых взглядов.

Монтажная встретила её полумраком. Окна были плотно занавешены, и свет от мониторов — холодный, мерцающий и непостоянный — казался единственным живым существом в помещении. Несколько экранов выводили блеклые кадры: смуглые деревенские лица, руки стариков, перетирающих шерстяные нити, обереги — выцветшие, но упрямо держащие форму.

Анна плюхнулась в кресло так, будто весь день уже позади, и мониторы мгновенно осветили её лицо бледным сиянием. На центральном экране застыл крупный план: старуха держит в пальцах тонкую нить, похожую на кровь времени — тугую и натянутую.

Она нажала пробел. Старуха, голосом сухим, как древняя трава, произнесла:

– И о них говорят, что нить нельзя рвать. Даже если жизнь уже кончилась.

Анна перекосила губы в скептической усмешке:

– Ну спасибо. Прекрасное утро.

Она мотнула головой, чтобы стряхнуть липкую сонливость и только что услышанные слова, которые будто прицепились к коже, и снова нажала play.

Начальник появился без звука — как тень, просто обозначив себя в дверном проёме. Мужчина лет пятидесяти, строгий, аккуратный, словно собранный из прямых линий. Он задержался взглядом на Анне, и в эту же секунду его брови вырисовали какие-то тайские символы. Наступила тишина, в этом взгляде помещался весь его профессиональный скепсис.

– Опять опоздала, – сказал он наконец.

Девушка не подняла глаз:

– Я не опоздала. Просто по дороге ещё на какую-то сумасшедшую наткнулась, да и материал изучала.

На другом конце помещения кто-то фыркнул, но не зло — скорее привычно. Начальник не улыбался:

– Короткий метр должен быть готов к фестивалю. «Народные промыслы. Память земли». Мы получили грант, Анна. Весь проект держится на сроках.

– Да я… почти всё… – выдохнула она.

– «Почти» не значит «готово».

Он сказал это холодно, без нажима, но так, чтобы каждая

буква врезалась в воздух. Прошёл мимо, уже обращаясь к остальным:

– Сегодня – финальный просмотр. Завтра – презентация. Я прошу без задержек.

Его шаги растворились в тишине, а воздух начал резко остывать.

Анна снова откинулась на спинку кресла. Наушники заняли своё привычное место, почти автоматически. Чёрный экран мигнул из-за движения курсора. Она нажала play. Сначала – тишина. Затем – едва различимый детский шёпот, такой тонкий, что казалось, звук царапает саму плёнку:

– Раз, два, три… кто не закончил – к нему придёт Жоймарица…

Девушка резко сняла наушники, будто обожглась:

– Что за ерунда?.. Кто это вставил?

Игорь, не поднимая глаз от своего стола, отозвался лениво:

– Что бы там ни было – это не я.

– Позже удалю, – пробормотала она и вернулась к монтажу. Но пальцы на клавиатуре стали двигаться чуть медленнее, а шёпот, будто оставшись в комнате, тихо отзывался эхом в каждой мысли.

Прошло несколько часов, картина практически не менялась. Стоял всё тот же ровный полумрак. На экране перед ней медленно сменялись кадры: поле, потемневшие от времени деревенские дома, женщины за станками, склонившие-

ся над нитями, будто над собственными судьбами. Анна прокручивала таймлайн, расставляла звуки шагов, примеряла их к движению рук, синхронизировала голос старухи. Мониторы гудели едва слышно – словно воздух пытался ожить, но жизнь уже ушла навсегда. Где-то упала капля, свет негромко потрескивал, и от всего этого возникало ощущение обычного, скучного рабочего дня.

Она слегка поправила наушники, снова коснулась play, и вдруг ей показалось, что каждое мгновение, каждый звук, каждая нота кадра уже знакомы ей наизусть. Голос старухи прозвучал мягко, но с таким внутренним эхом, будто слова шли не из записи, а прямо издалека, из глубины самого кадра:

– В каждом доме есть комната, где время не идёт. Туда не заходят гости. Там ждут…

Анна невольно подняла глаза на тёмный экран, и в его отражении что-то шевельнулось у неё за спиной – едва заметный всплеск света, короткое дрожание тени. Она резко обернулась. Комната была пуста – только шнуры, столы и послушный, ровный свет мониторов.

Вернувшись к экрану, девушка вдруг заметила: в одном из планов, где всегда был просто старый деревянный стол, теперь лежал крошечный клубок ниток. На самом краю – так, будто кто-то аккуратно положил его туда секунду назад. Анна прищурилась, щёлкнула назад.

Стол был пустой, как и раньше.

Щёлкнула вперёд — клубок снова на месте.

– Это что… рендер глючит?.. – прошептала она, чувствуя, как по коже пробегает холодок, будто что-то в этой комнате оживило её слова.

Курсор остановился и больше не двигался. Мониторы чуть дрогнули в своём тихом свете. И вдруг – звук. Едва слышный, будто издалека: нежный звон колокольчика, тот самый, что висел в её коридоре, у двери. Звон был таким, как бывает, когда кто-то открывает калитку и идёт по двору, но видео в этот момент стояло на стоп-кадре.

Анна испуганно сняла наушники. Прислушалась: тишина была такой сильной, что казалось, будто она вот-вот раздавит её в своих объятиях. Та самая густая, правильная тишина монтажной.

Она выдохнула, устало потянулась, зевнула, поднялась и вышла из комнаты, закрыв при этом дверь с такой силой, будто пыталась отсечь кого-то или что-то, что преследовало её.

Монтажная была пуста. Камера, если бы она существовала, медленно отъезжала бы назад: через стол, через ряды мониторов, скользя по зеркальному блеску экранов. И лишь тогда проявилось бы то, что невозможно было заметить сразу. На всех экранах отражение девушки вставало – поднималось, разворачивалось, исчезало за дверью.

Кроме одного. На одном мониторе её отражение стояло неподвижно. Не уходило. Не мигало. Просто смотрело пря-

мо вперёд. Слишком внимательно. Слишком долго.

Глава 2. Звонок из прошлого

Анна вышла из полутёмной монтажной и попала в другое измерение – светлое, шумное и живущее своей поверхностной, ничего не значащей жизнью.

У стойки ресепшена её встретила секретарь – молодая девушка с задорной улыбкой. Героиня заметила, как та лениво вертит в пальцах ручку, словно отбивая ритм последних минут рабочего дня. Казалось, весь ресепшен подстраивался под этот неспешный, лёгкий такт, и даже шум вокруг звучал в унисон с ним. Она вошла в поле этого ритма, и невидимая аура будто засосала её внутрь… но всё разрушил лёгкий звон флешки о стойку, когда та легла на поверхность.

– Вот. Флешка готова.

Анна аккуратно достала из сумки заполненный бланк и приложила его к флешке, словно подкрепляя доказательство их существования.

Секретарь приподняла брови и улыбнулась шире. Девушке даже слегка показалось, что та почувствовала, как она разрушила невидимую ауру ресепшена, – но это было лишь её субъективное восприятие ситуации.

– Супер! Тебя сегодня твои «орлы» снова довели?

Анна слегка улыбнулась в ответ – коротко, почти как по уставу:

– Как обычно… Не слушаются, спорят, дерутся.

– В мужском коллективе тяжело работать, наверное, – засмеялась секретарь, ставя штамп в бланк.

Монтажёр посмотрела куда-то мимо листа, словно зарываясь в собственные мысли:

– Привыкаешь. Главное – не влюбляться в оператора.

Обе девушки начали тихо хихикать. Печать снова сухо стукнула по бумаге.

Анна забрала документы, попрощалась и вышла в коридор, попутно пряча подписанный бланк. За её спиной невидимая аура ресепшена, которую видела только она, резко начала восстанавливаться, словно её кратковременное разрушение оставило только крохотную трещину в привычном ритме пространства.

Телефон в её кармане внезапно зазвонил. Номер – незнакомый. Анна поколебалась долю секунды и ответила. Мужской голос – неровный, будто собирающийся заново после долгой паузы:

– Анна?.. Это… твой отец.

Она остановилась посреди тротуара:

– Простите?.. Кто говорит?

Словно бы воздух вокруг потяжелел.

– Время идёт… – продолжил голос. – Мы скучаем по тебе. Мама… в очень плохом состоянии, почти не говорит. Последнее, чего она хочет… это увидеть тебя.

Девушка сглотнула, дыхание сбилось:

– Я… я приеду, папа.

Связь оборвалась так резко, будто кто-то перерезал нить. Она смотрела на погасший экран, снова включала его, пыталась сохранить номер – пальцы дрожали. Потом остановилась, оглядела вечерний город: окна, свет, прохожие, чужие спины, чужие жизни.

Подъехало такси. Анна с трудом вспомнила, куда шла, и села внутрь. Машина мягко тронулась, и пассажирка уставилась в окно: весенний дождь оставил на стекле дорожки, по которым растекался свет фонарей – длинные, жидкие полосы.

Где-то глубоко в памяти зашуршали старые, тёплые образы: мама – улыбающаяся, с мукой на фартуке – ставит на стол горячие пироги, а маленькая Аня кружится рядом, смеётся. Папа накрывает её своим плащом: дождь хлещет, они стоят под огромным старым деревом, где листья играют под «пальцами» дождя.

Она моргнула – и воспоминания рассыпались. Радио играло весёлую мелодию, совершенно не подходящую к её настроению.

Такси мчалось сквозь вечерние улицы, а город отражался в его стёклах, словно светящееся, пульсирующее тело. Дома, улицы, перекрёстки – сеть сияющих вен, по которым текла ночная жизнь, мерцающая в ритме машин и фонарей. И вот по радио уже говорили о Великом Четверге, о традициях и службах. Но Анна не слушала. Она смотрела в окно – и впервые за долгое время чувствовала, что мир вокруг медленно

меняет направление, как воды реки, которой вдруг перекрыли старый путь.

Уличный шум постепенно стихал, растворяясь в ночной пустоте, пока не воцарилась знакомая, давящая тишина. В ней отчётливо эхом раздавались шаги, а лампы дневного света вспыхивали редкими дрожащими огнями.

Анна шла между рядами машин, сумка тяжело свисала с плеча. В самом углу стоял красный «Фольксваген», старый, покрытый пылью. Она замедлила шаг, на мгновение прикоснулась к кузову рукой, осмотрела пальцы – на них остался тонкий слой серого налёта. Смахнув его одной рукой, она только запачкала вторую.

Девушка двигалась к багажнику, и едва слышный, почти незаметный звон привлёк её внимание. За спиной, в неосвещённом углу, что-то мелькнуло, но глаза не различили деталей. На холодном полу лежала красная нить, тянувшаяся к тёмной точке угла, а ветер уносил её в пустоту. Она не обратила внимания: открыла и закрыла багажник, села в машину, вставила ключ в замок зажигания. Двигатель завёлся с привычным гулом.

Старая магнитола заиграла тихо, немного хрипло, словно вторя её настроению. Анна достала телефон, набрала номер:

– Андрей, я завтра не приду, – сказала усталым голосом.

В трубке раздался раздражённый, но знакомый голос. Она выдохнула и сухо ответила:

– Да, понимаю. Я просто… должна съездить. У родителей

проблемы.

Несколько секунд тишины, затем тихо:

– Спасибо, что отпустил.

Она сбросила звонок. В машине повисла пауза, заполненная долгим выдохом и треском магнитолы.

Ночь за окном стала ещё плотнее. Фары вырывали из темноты мокрый асфальт, придорожные щиты, старые деревья. Анна посмотрела в стекло; веки тяжело опустились, словно ночь сама пыталась смыкать их, но внутреннее напряжение не давало погрузиться в сон. Она чувствовала каждое движение машины, каждую неровность дороги – и даже слабый звук двигателя отдавался где-то внутри.

Вдруг рык мотора – резкий рывок. Машина чуть сошлас полосы. Анна вздрогнула, обхватила руль, ударилась лбом, а затем грудью испуганно прижалась к нему, резко морщась от боли. Несколько раз ударила себя по щекам, чтобы вернуть сознание, глубоко вдохнула и снова двинулась вперёд.

В голове мелькали образы, сливаясь с дождливой дорогой за окном. Фары внезапно выхватили силуэт у обочины – женщина в длинном платье, а рядом – кромешная тьма. Машина приближалась, а образ висел в воздухе, нереальный, чужой, казалось, что он исчезает и вновь появляется. Радио зашумело, сквозь треск пробился тихий шёпот на непонятном языке, и он будто касался самой кожи. Сердце сжалось, кровь застыла в жилах, а в груди застряла тяжесть, которая не давала дышать. Всё вокруг будто замерло: холодный дождь, влаж-

ный асфальт, огни фонарей – и из тьмы что-то рвануло к машине, почти ощутимо касаясь её бокового стекла. Девушка вдохнула, но воздух застрял в горле, и паника ударила волной, от которой ноги дрожали, а руки сжимали руль до боли. Мир вокруг двигался медленно, неуловимо, и она ощущала каждый звук, каждый отблеск света – как предвестие чего-то, что ждало впереди.

Машина медленно скользнула на обочину и остановилась, словно сама ночь подчинила её своей воле. Дождь лил без конца, стуча по крыше и капоту, и каждый удар казался тяжелее предыдущего. Анна закрыла глаза, и мир вокруг стал туманным; тяжесть ночи опустилась на голову, давя на грудь и скручивая плечи, притягивая к границе потери сознания. Это была не усталость – это была чуждая сила, решившая, что ей пока не следует видеть то, что ждёт впереди. Сознание медленно покидало её, и в последнем осознанном миге она ощутила, как мрак будто сжимает ей грудь, пресекая каждую попытку вдохнуть этот и без того тяжёлый, липкий воздух.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.